

Даниэль  
Клугер

5  
ПЯТЫЙ РИМ



# Мушкетёр

*Подлинная история Исаака де Порту,  
служившего в мушкетерской роте  
Его Величества Людовика XIII под именем Портос*

# Мушкетёр



Даниэль Клугер

# Мушкетёр

*Подлинная история Исаака де Порту,  
служившего в мушкетерской роте  
Его Величества Людовика XIII под именем Портос*



ПЯТЫЙ РИМ

МОСКВА

2017

УДК 39  
ББК 63.3(0=...)  
К 51

*Оформление переплета М. Левыкина*

**Клугер Д.**

К 51 Мушкетер. Подлинная история Исаака де Порту, служившего в мушкетерской роте Его Величества Людовика XIII под именем Портоос. – М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2017. – С. 256, илл.

**ISBN 978-5-9908266-4-9**

Мы с детства знакомы с мушкетерами Александра Дюма, о каждом из них мы знаем очень и очень многое. Вернее, почти о каждом. О самом, казалось бы, простом из великолепной четверки, о Портоосе – мы не знаем ровным счетом ничего. При этом образ его далеко не так прост, как это может показаться на первый взгляд. Читатели традиционно воспринимают его как добродушного, недалекого великана, но так ли это на самом деле? Попробуем разгадать тайну Портооса вместе с исторической фантазией Даниэля Клугера!

УДК 39  
ББК 63.3(0=...)

**ISBN 978-5-9908266-4-9**

© Клугер Д., 2017  
© Издательство «Пятый Рим»™, 2017  
© ООО «Бестселлер», 2017

## НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть книги, при каждом прочтении которых открывается что-то новое и неожиданное. Наверное, у каждого это своя книга. У меня – «Три мушкетера» Александра Дюма. Перечитывая ее не так давно, я обратил внимание на одну загадку, пытаюсь разгадать которую я и пришел, в конце концов, к написанию повести, предложенной вашему вниманию. Суть этой загадки такова: кто все-таки из четырех отважных друзей самый таинственный?

Попробуем разобраться. С главным героем, д'Артаньяном, все понятно – и биография его (романная) нам известна, и происхождение, и причины приезда в Париж. Главный кандидат на самую таинственную личность, без сомнения, Атос... Так ли? Да нет, оказывается! Он лишь напускает на себя таинственность! Довольно скоро (вместе с д'Артаньяном) мы узнаем о нем многое: и то, что он – граф де Ла Фер, и о трагедии, которая разбила ему жизнь и заставила под вымышленным именем поступить в мушкетеры простым солдатом. Дальше – Арамис. Может быть, он? Тоже нет. Арамис, конечно, занят постоянно какими-то интригами, старательно что-то скрывает от друзей и от читателей – но в то же время рассказывает д'Артаньяну немало о прошлой своей жизни. О том, например, как, будучи молоденьким аббатом, поссорился с неким офицером, как потом отомстил, убив обидчика на дуэли, как по этой причине временно снял с себя сутану и, пользуясь поддержкой друзей отца, поступил в мушкетеры (опять-таки под вымышленным именем).

И так получается, что только о самом, казалось бы, простом из великолепной четверки, о Портосе – мы не знаем ровным счетом ничего. При этом образ его далеко не так прост,

как это может показаться на первый взгляд. Читатели традиционно воспринимают его как добродушного, недалекого великана, охотно предоставляющего свою шпагу и немалую физическую силу друзьям, более сообразительным и ловким (даже глава о том, как Портос и д'Артаньян, во второй книге, выбираются из ловушки, устроенной Мазарини, называется «Сила и ум»). Но при внимательном прочтении бросаются в глаза некоторые сцены и выражения, противоречащие такому восприятию. Вот, например, фраза из начала романа. Знаменитая дуэль, ставшая началом дружбы мушкетеров: «Оставались Портос и Бикара. Портос дурачился, спрашивая у Бикара, который, по его мнению, может быть час, и поздравляя его с ротой, которую получил его брат в Наваррском полку...» Не очень соответствует поведению примитивного увальня, не так ли? Скорее – насмешливый, ироничный бретёр. Далее, именно Портос нашел своему молодому другу замечательного слугу Планше:

«Слуга был рекомендован Портосом. То был пикардиец, которого славный мушкетер нанял в тот самый день по случаю этого самого обеда; он увидел его на мосту Ла-Турнель, где Планше – так звали слугу – плевал в воду, любуясь разбежавшимися кругами. Портос утверждал, что такое занятие свидетельствует о склонности к созерцанию и рассудительности, и, не наводя о нем дальнейших справок, увел его с собой...»

Разумеется, обоснование рассудительности вызывает смех, но ведь Портос оказался прав: д'Артаньян приобрел не только преданного, умного и ловкого слугу, но и верного друга.

Вот его отношение к суевериям, характерным для того времени (да и нынешнего тоже):

«– Верите ли вы в привидения? – спросил Атос.

– Я верю только тому, что видел, и так как я никогда не видел привидений, то не верю в них, – ответил Портос».

А вот, например, любопытный момент из описания осады Ла-Рошели, еще лучше характеризующий нашего героя:

«– А ты знаешь, – сказал Портос, – ведь свернуть шею этой проклятой миледи – меньший грех, чем убивать бедных гу-

генотов, все преступление которых состоит только в том, что они поют по-французски те самые псалмы, которые мы поем по-латыни...»

Так что не так уж прост этот великан. Он насмешлив, ироничен (иногда — до язвительности), остроумен, хорошо разбирается в людях, склонен к парадоксальным суждениям — и одновременно является основным в великолепной четверке носителем здравого смысла.

И, как я уже писал выше, именно о его прошлом мы не знаем ровным счетом ничего. Ни того, что собой представляла его прежняя, домушкетерская жизнь, ни даже того, зачем ему, собственно говоря, понадобилось скрывать свое настоящее имя при поступлении на службу.

Последнему обстоятельству Дюма как будто дает объяснение — в романе «Двадцать лет спустя»:

«— Как зовут моих друзей? — повторил д'Артаньян, не решаясь довериться кардиналу вполне.

— Да. Пока вы ищете, я наведу справки, со своей стороны, и, может быть, кое-что узнаю.

— Граф де Ла Фер, иначе Атос; господин дю Валлон, или Портос, и шевалье д'Эрбле, теперь аббат д'Эрбле, иначе Арамис.

Кардинал улыбнулся.

— Младшие сыновья древних родов, — сказал он, — поступившие в мушкетеры под вымышленными именами, чтобы не компрометировать своих семей! Длинная шпага и пустой кошелек, — нам это знакомо».

Но в том же романе, когда д'Артаньян просит у кардинала Мазарини баронский титул для своего друга, тот отвечает: «Человек без роду, без племени. Над ним будут смеяться!» И значит, предыдущие слова Мазарини насчет древних родов относятся к Атосу и Арамису — но не к Портосу.

Еще одна деталь — знание испанского языка:

«— Вот странность! — заметил Портос, медленно поднимая голову и изумленно глядя на своих друзей. — Оказывается, я знаю английский язык! Я понимаю все, что вы говорите.

— Это потому, мой дорогой, что мы говорим по-испански, — сказал ему Атос со своим обычным хладнокровием.

— Ах, черт возьми! — воскликнул Портос. — Какая досада! А я-то думал, что владею еще одним языком» («Двадцать лет спустя»).

Кстати, и здесь мы видим, что Портос за словом в карман не лезет. А вообще из этой цитаты можно сделать вывод, что испанскому языку он не учился — испанский для него родной. Как и французский. Будь на месте Портоса д'Артаньян, все объяснялось бы легко: для гасконцев, живших на границе с Испанией, испанский действительно был таким же родным языком, как и французский. Но о Портосе у Дюма сказано, что он — из Пикардии. Вот Атос говорит о поведении д'Артаньяна и Портоса, вероломно арестованных кардиналом Мазарини:

«— Это две горячие головы: один гасконец, другой пикардиец, — сказал Атос. — Они оба быстро воспламеняются и так же быстро остывают».

Словом, объяснить загадку Портоса, вернее, его предыдущей биографии, оставаясь в рамках романа Александра Дюма, не представляется возможным. Но ведь у персонажей «Трех мушкетеров» имеются исторические прототипы! Разумеется, Дюма обращался с подлинными событиями весьма вольно, но какую-то реальную основу приключения его героев имеют. Так не лежит ли разгадка в биографии именно прототипа нашего великана? Кем он был, настоящий Портос?

Согласно современным историческим исследованиям (см., например, переведенную на русский язык и изданную в ЖЗЛ книгу французского историка Жана-Кристиана Птифиса «Истинный д'Артаньян»), его звали Исаак де Порто (или де Порту). Официально он происходил из дворянской протестантской семьи. Его дед Авраам занимал должность распорядителя обедов («офицер кухни») при Наваррском дворе. Отец «Портоса», также носивший имя Исаак, служил нотариусом при Беарнских провинциальных штатах. Беарн, Гасконь — вот откуда вдруг прорвалась в роман оговорка насчет испанского языка нашего «пикардийца». «Портос» был младшим из его троих детей. Известна дата его крещения — 2 февраля 1617 года.

Такова официальная версия историков. В одном пункте она мне кажется все-таки неубедительной — в пункте, касаю-



щемся вероисповедания. Во Франции, даже среди протестантов (гугенотов), такие еврейские имена, как Исаак, Авраам, Геден, Сарра (имена родителей и родственников «Портоса»), не имели распространения. В отличие от, например, протестантов английских, среди которых мы находим и Исааков, и Израилей, и Иовов (см., например, «Остров сокровищ» Стивенсона — пираты Исраэль (Израиль) Хэндс или Джоб (Иов) Андерсон).

Еще интереснее — фамилия «Портоса». В Южной Франции в XV—XVIII веках оседали беженцы из Испании и Португалии — крещеные евреи (конверсо, марраны), бежавшие от преследований инквизиции. Во Франции их официально называли «португальские купцы», вне зависимости от рода занятий. Французские короли Генрих II, Генрих III и Генрих IV Наваррский большинству этих беженцев предоставили так называемые письма о натурализации. Такие письма — по сути, удостоверения личности, аналог внутреннего паспорта — уравнивали эмигрантов в правах с французами. «Исаак де Порту» вообще-то означает: Исаак из Порто (Порто — тогдашняя столица Португалии) или даже — Исаак Португалец. И очень возможно, что именно к «португальским купцам» относилась семья будущего мушкетера. Понятно и то, что беженцы предпочитали селиться в протестантских государствах — Голландии, Англии, Наварре, ведь в этих странах не действовала инквизиция. Соответственно, те марраны, которые оставались христианами (внешне, по крайней мере), становились не католиками, а протестантами. О собственно португальских и испанских протестантах мы ничего не знаем, скорее всего, их просто не существовало. Так что протестантское вероисповедание семьи, совсем недавно перебравшейся из Португалии или Испании во Францию, говорит, скорее, о ее еврейском происхождении. Подчеркиваю: семьи, *недавно* перебравшейся. Никакие другие де Порту, жившие на юге Франции ранее «офицера кухни» Наваррского двора, историкам не известны. Правда, уже упоминавшийся историк Жан-Кристиан Птифис называет Авраама де Порту «закоренным гугенотом» и высказывает предположение, что именно

протестантское происхождение мешало де Порту-младшему продвигаться по службе. Может, и правда мешало происхождение — но действительно ли протестантское? Впрочем, свою точку зрения на это я уже изложил.

Вот что я хотел сообщить читателям, прежде чем они познакомятся с приключениями Исаака де Порту. Разумеется, большая часть этих приключений является плодом авторской фантазии. Но я старался придерживаться исторических фактов — насколько это возможно в приключенческой повести.

Кроме того, хронология подлинных биографий исторических лиц противоречит той, которую предложил Александр Дюма. Так, например, исторический д'Артаньян не мог попасть в Париж в 1625 году (а действие романа «Три мушкетера» начинается именно в 1625 году), потому что было ему тогда не более восьми лет. Как, впрочем, и историческому Портусу. Шарль де Баатц де Кастельморо д'Артаньян (таково было полное имя этого человека) поступил на службу в 1633 году. А исторический Атос не был сослуживцем исторического Портоса. Арман де Селлег д'Атос д'Отвьель был убит (скорее всего, на дуэли) в 1643 году. Примерно за год до того, как Исаак де Порту, гвардеец роты Дезэсара, перешел в мушкетеры. Но разве это имеет значение? И, положила руку на сердце, разве не предпочтете вы версию (а заодно и хронологию) Дюма? Я, во всяком случае, предпочел. И потому мой Исаак де Порту родился не в 1617, а в 1605 году. Соответственно, и Аврааму де Порту (в моей версии) он пришелся не внуком, а младшим, четвертым сыном.

Так что я предлагаю читателям ни в коем случае не историческое исследование, а историческую фантазию. Хотя она имеет подзаголовок «Подлинная история Исаака де Порту».

*Даниэль Клугер*

## ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой я узнаю кое-что  
об истории семьи де Порту*

Я появился на свет 23 января в лето Господне 1605 в городке Ланн, расположенном в чудесной долине Вера. Сие знаменательное событие случилось в старом доме моего отца. Через десять дней, 2 февраля, священник отец Амвросий окрестил меня в домашней часовне, посвященной святому Иакову, брату Господню. Я получил имя Исаак, удачно дополнив тем самым имена отца и матери — Авраама и Сарры де Порту. Не знаю, почему именно младшего сына назвали так — мои братья носили имена Жоффрей, Жозеф и Гидеон. Отец мой, при всей внешней суровости, обладал натурой поэтической. Жоффрей, первенец де Порту, умер вскоре после рождения, Жозеф в один прекрасный день оставил Францию ради жизни в Вест-Индии. Гидеон, которому к моменту моего рождения было тринадцать, через несколько лет тоже покинул бы отчий дом. Так что, возможно, когда я родился, перед мысленным взором отца предстала идиллическая картина: Авраам и Сарра — и юный сын, утеха старости. Естественно, этот сын должен был именоваться Исааком.

О том, что в прошлом моей семьи таилась какая-то тайна, я смутно догадывался с семилетнего возраста. До сих пор помню, как и после чего это началось. Среди ночи я захотел пить и, выбравшись из постели, отправился в кухню. Спальня моя, как и спальни старших братьев, находилась на втором этаже, а кухня — на первом. Так что мне необходимо было спуститься по лестнице, а на первом этаже пересечь нижний

зал, в который выходила дверь кухни. Внизу же располагалась и спальня моих родителей — причем лестница со второго этажа проходила как раз над ее дверью.

Ступени ужасно скрипели, причем скрип становился тем сильнее, чем осторожнее я старался ступать. Нестерпимее всего эти звуки стали в тот момент, когда я проходил над входом в родительскую спальню. И тотчас я услышал раздраженный голос отца. Я замер, стоя на одной ноге и опасаясь опустить вторую. Слов было не разобрать, но мне показалось, что гнев отца вызвали мои шаги по лестнице.

Уже в следующее мгновение я понял, что ошибся: отец обращался не ко мне, а к матери, поскольку затем прозвучал ее голос. Я облегченно перевел дыхание и двинулся было далее. Но шальная мысль подтолкнула меня к краю лестницы, откуда было лучше слышно. Я вовсе не собирался подслушивать, но голоса звучали достаточно громко — родители то ли ссорились, то ли обсуждали что-то важное. А поскольку накануне днем я изрядно набедокурил и ожидал вполне заслуженного наказания, то подумал, что именно мое ненадлежащее поведение стало предметом ночного разговора. Положа руку на сердце: кто бы из моих ровесников в таком случае удержался от соблазна узнать свою судьбу? И, немедленно забыв о жажде, я перевесился через перила, как раз над тяжелой, окованной железом дверью. Дверь была закрыта неплотно, так что я вполне слышал разговор.

Он поразил меня. Нет, не смыслом — насколько я мог понять, обо мне речь не шла, просто отец и мать что-то вспоминали. Но именно вспоминали — насколько я мог понять! Я хорошо владел испанским языком (как, впрочем, все мои земляки-гасконцы; испанский язык был для меня таким же родным, как французский или гасконское наречие). Родители же в тот раз говорили на очень странном испанском (все-таки испанском, в этом я был уверен). Знакомые слова перемежались незнакомыми, обороты казались нарочито устаревшими. Напряженно вслушиваясь в разговор, я иной раз едва не прыскал в кулак — настолько смешным казалось мне звучание некоторых фраз.

Это стало тайной, мучавшей меня долгое время – вплоть до дня первой настоящей размолвки с отцом. К тому времени душа моей бедной матери уже более семи лет пребывала на небесах. Я тогда принял решение, изменившее всю мою жизнь – и одновременно побудившее отца рассказать мне то, что ранее тщательно скрывалось.

День, о котором пойдет речь, ничем не отличался от других весенних дней 1623 года. Двумя месяцами ранее я отметил свое восемнадцатилетие и теперь считал, что жизнь уже прожита – и прожита зря.

Уже с утра я знал, что вечером мне предстоит малопривлекательный разговор с отцом. Вернулся я накануне очень поздно, а в том, что об очередных моих похождениях ему непременно доложит кто-нибудь из слуг, я нисколько не сомневался.

Отец в кресле казался настоящим королем, восседавшим на троне. Да что там король! Его величество Генрих, великий король, которому Авраам де Порту короткое время служил всего лишь «офицером кухни» и которого мне ребенком довелось видеть в Тарбе, выглядел, на мой взгляд, куда менее внушительно. Черный бархатный камзол испанского кроя, с широкими прорезными рукавами, обшитый серебряными кружевами и серебряным же галуном, оттенял природную матовую бледность лица, простой белый воротник гармонировал с длинными седыми волосами. Сходство с королем подчеркивалось еще и тем, что никогда, даже за обедом, он не снимал черную широкополую шляпу с серебряной пряжкой, серебряной тесьмой по краю полей и высоким черным плюмажем из страусовых перьев, а также то, что он не выпускал из рук тяжелую трость с набалдашником, действительно напоминавшую королевский скипетр. Гневаясь, он совершенно по-королевски ударял тростью в пол и притоптывал ногами, обутыми в высокие черные ботфорты с широкими растрюбами и серебряными шпорами – такие обычно носили кавалеристы.

Меня давно интересовало, почему он избрал себе столь странное поприще – кулинарных дел мастера. Не только внушительной внешностью обладал мой отец – он прекрас-

но владел всеми видами оружия, был образован куда больше, чем мой учитель, добрейший отец Амвросий, да и по характеру своему привык командовать уж никак не поварами. Следует признать, впрочем, что он действительно был большим знатоком изысканных кушаний и гурманом (последнее качество я от него унаследовал, и это проявилось довольно рано). Но в оружии — холодном и огнестрельном — он разбирался ничуть не хуже, держался в седле с завидной выправкой и при этом ловко управлялся с мушкетомом, на полном скаку легко поражая мишени. В правой башне у нас хранился целый арсенал — семь мушкетов и мушкетонгов, столько же пистолетов, старинный аркебуз и старинная же пицаль, даже ручная кулеврина, три шпаги, а уж стилетов, кинжалов и боеприпасов — несчетное количество. И, хотя владению шпагой я учился у мэтра Паре — старого учителя фехтования, непонятно, каким образом занесенного из Парижа в наше захолустье, — стрельбе и верховой езде обучал меня отец. Даже сейчас, несмотря на возраст, он был очень силен и вынослив; во времена же своей молодости, несомненно, относился к числу настоящих силачей.

Конечно, я ни разу не спросил его о выборе той должности — тем более что он оставил ее вскоре после моего рождения и более не служил вообще, довольствуясь самостоятельным управлением имением. Владения де Порту были невелики и необширны. Со слов отца я знал, что и дом, и земельные угодья — восемьсот акров пахотной земли в окрестностях Ланна, — были куплены на деньги из жалования, полученного Авраамом де Порту из бедной казны короля Генриха. Уже после выхода в отставку отец прикупил мельницу на берегу Вера. Землю сдавали в аренду, и арендная плата в иные годы достигала немалой суммы в шесть сотен ливров. Столько же приносила мельница. Если прибавить к тому еще и продажу овечьей шерсти на двести-триста ливров в год и коноплю с принадлежащего нам луга, то можно понять, что семейство де Порту числилось не самым богатым в Ланне или Тарбе. Нам было далеко до иных сеньоров, чьи земельные владения исчислялись десятками тысяч акров, а годовые доходы — сот-

нями тысяч ливров. Но вряд ли кто из этих богачей, в том числе принадлежащих к знатым фамилиям, мог соперничать с господином де Порту в благородстве и даже величественности образа.

Несмотря на то, что я никогда не слышал о каких-то перестройках нашего дома, мне всегда казалось, что и внешний облик дом нашего дома хранил отпечаток личности мессира де Порту. На первый взгляд, это был обычный для здешних мест двухэтажный особняк, сложенный из серого камня. Две квадратные башни, несмотря на сходство с крепостными, выполняли вполне мирные обязанности складских помещений – в них хранилось зерно прошлогоднего урожая, старая одежда, в подвалах под башнями – вино и масло. Правда, в одной из башен находилась оружейная комната, о которой я уже упоминал. Словом, вполне мирный провинциальный дом, дом-обыватель, если можно так выразиться.

Но мне всегда мерещилась иная, воинственная сущность. И тогда добротная изгородь, окружавшая дом, амбар, часовню и конюшню, представлялась мне первой линией обороны против коварного и многочисленного врага, а дом становился настоящей неприступной крепостью.

И эта двойственность казалась мне отсветом сложной личности «офицера кухни» доброго короля Генриха Наваррского – Авраама де Порту.

Не скажу, чтобы я побаивался отца, но в его присутствии всегда испытывал некоторый трепет. Когда я вошел, он коротко кивнул и спросил – по обыкновению не повышая голоса:

– Вчера я искал вас весь день. Соболаговолите ответить, где вы находились и почему вернулись поздно?

Я принялся рассказывать приготовленную заранее историю о поездке к друзьям в окрестности Тарба. Отец слушал меня с непроницаемым лицом. Когда фантазия моя исчерпалась, он заметил:

– Впредь, когда вы надумаете мне лгать, Исаак, постарайтесь придумать что-нибудь более правдоподобное. Придумывать нужно заранее. Ведь вы же знали, что я буду вас расспрашивать. И главное, не путайтесь с названиями. Если

бы вы путешествовали так, как рассказываете, то загнали бы лошадь еще по дороге туда и вернулись бы пешком. Между тем ваш любимый Вулкан стоит в конюшне и прекрасно себя чувствует. По-моему, он и вчера весь день пробыл там. У вас появилась новая лошадь?

Я покраснел и пробормотал что-то невразумительное. Некоторое время отец молча смотрел на меня. Я покраснел еще больше. Он чуть пристукнул своей тростью и принялся меня отчитывать — холодным бесстрастным тоном.

— Я рассчитывал на то, что вы выберете себе профессию достойную и уважаемую, а именно — нотариуса, — сказал он. — Тем более что ваш брат Гидеон готов оказать вам всяческое содействие и составить протекцию. Но согласитесь, Исаак, странно видеть, как человек, готовящийся стать охранителем и знатоком законов, сам нарушает законы и водит компанию с настоящими преступниками!

На этот упрек мне нечего было сказать. Действительно, вчерашний день и часть сегодняшней ночи я провел с теми, кого отец называл преступниками, — с местными контрабандистами. Правда, я не участвовал в походе — он длился не один день. Вместе с тремя ровесниками я встречал тех, кто благополучно вернулся из Басконии, а потом праздновал с ними удачную операцию и даже получил небольшую долю за трехчасовое стояние в зарослях — четыре пистоля.

Что подделаешь — с контрабандистами мне было веселее, чем с чопорными родственниками или добрейшим, но донельзя скучным отцом Амвросием. Я не только выступал в качестве «часового» при их возвращении, но несколько раз и сам участвовал в походах. Крутые горные тропы в Страну Басков, опасные встречи с тамошними грабителями или еще более опасная возможность столкновения с испанскими патрулями — все это привлекало меня, разумеется, вовсе не возможностью разбогатеть; я хотел проверить себя, крепость своей руки, стойкость духа. Впервые я предпринял подобную вылазку, подзадориваемый ровесниками — юными сорванцами, давними друзьями по шалостям. Никто из них не происходил из благородных семейств, и меня в их кругу принима-



ли исключительно из уважения к немалой физической силе, которой я отличался с малолетства и которую очень любил демонстрировать. Товарищи мои ловко играли на детском тщеславии, то и дело подбивая на поступки бессмысленные, а порой и опасные для меня. Например, я на спор обежал вокруг нашей усадьбы с годовалым теленком на плечах. Бычок громко мычал и норовил вырваться и обмочился со страху, я налетел на шедшую из церкви престарелую мать одного из моих друзей, за что получил клюкой по ногам и едва не упал. В довершение ко всему я был весьма сурово наказан отцом, продержавшим меня в подвале неделю на хлебе и воде. В другой раз я добрых полчаса держал груженный доверху возок, пока юный возница Андижос — один из моих детских друзей — менял сломавшуюся ось. Подозреваю, что он специально делал это не торопясь — а у меня глаза были залиты потом, кости трещали, а мускулы, казалось, готовы были порваться.

Собственно, после этого случая трое моих друзей (Андижос в их числе) и предложили мне увлекательное приключение в Пиренеях — по испанскую сторону границы. Я с радостью согласился, весьма смутно представляя себе, о чем идет речь. И уж конечно мне в голову не приходило, что за всем этим кроется нечто преступное. Рискованное — да, это я понимал. Но и только.

Я надолго запомнил эту первую вылазку в Страну Басков. До сих пор мне неизвестно, что представляла собою поклажа ослов и мулов, которых мои друзья и их старшие товарищи вели по опасным горным тропам. Мне и Андижосу поручено было замыкать караван и следить за тем, чтобы не увязались за нами подозрительные типы. Таковыми могли быть конкуренты, а могли — тайные доносители, которых губернаторские люди время от времени отправляли на борьбу с контрабандистами. Весь поход занял четыре дня. Оказавшись по ту сторону горного хребта, мы удвоили бдительность; нас с моим товарищем теперь направили в голову каравана. Перейдя из арьергарда в авангард небольшого отряда, мы пошли шагах в трехстах перед первым мулом. В самых рискованных местах контрабандисты останавливались, а я и Андижос по

очереди отправлялись на разведку. Только после тщательного осмотра дороги и окрестностей далеко впереди мы возвращались к предводителю и докладывали результаты. Дважды, по крайней мере, мне пришлось применить физическую силу. В первый раз, еще на нашей стороне границы, я быстро расчистил тропу, которую перекрыли несколько скатившихся со склона больших валунов; затем, уже на испанской стороне, удержал осла, едва не сорвавшегося в пропасть, когда мы проходили одно из самых узких мест на дороге.

Словом, путешествие было опасным, а главное, настолько походило на действия лазутчиков во время войны, что по-настоящему увлекло меня. Было и еще одно сходство с войной, более серьезное. Наш предводитель, тридцатилетний Рене, погиб вскоре после этой, первой для меня вылазки. Караван попал в засаду, устроенную испанскими карабинерами, и бедняга Рене окончил свои дни, сорвавшись в пропасть, когда началась неожиданная пальба. К счастью, я не участвовал в том походе; Андижос же чудом уцелел и вернулся в Ланн. Он-то и рассказал о гибели предводителя.

Место Рене вскоре занял нелюдимый и мрачноватый малый по имени Жозеф. Был он испанцем и появился в Гасконии после примечательной истории, о которой мне однажды поведал Андижос. Жозеф (тогда его звали Хозе) в молодости служил в армии. Когда власти в очередной раз решили прижать контрабандистов, ему приказали сопровождать арестованных, среди которых была женщина необыкновенной красоты. Жозеф влюбился в нее и, вместо того чтобы доставить арестованных в Барселону, где всех их ждала виселица, сам ушел вместе с арестованными в горы. Так он сделался контрабандистом. Но вскоре его возлюбленная, не отличавшаяся строгим нравом, увлеклась другим. Жозеф убил ее и, опасаясь мести родственников неверной красавицы, бежал во владения французского короля, где у него было немало знакомых среди собратьев по ремеслу.

Его история меня поразила. Однажды я не удержался и спросил, правда ли, что он убил женщину, в которую был влюблен. Он усмехнулся, пожал широкими плечами и объяс-

нил, что убил ее не за неверность в любви, а потому что имел основания заподозрить ее в предательстве. «Она снюхалась с таможенниками», — сказал он.

Несмотря на опасность, я продолжал время от времени участвовать в делишках контрабандистов. Не деньги, понятное дело, привлекали меня в этом малопочтенном занятии (хотя благодаря этому я стал более независимым в средствах). Куда больше кружили мне голову именно риск — и, конечно, уважение в кругу отчаянных малых, ставших моими товарищами. Да и некоторым вещам я научился у собратьев-контрабандистов — например, неслышно проходить в двух шагах от патруля или метать нож в цель, опережая выстрел из мушкета. Все это впоследствии пригодилось мне на военной службе.

В то же время я понимал, что отец прав — негоже отпрыску семьи де Порту якшаться с преступниками. И тем не менее молодое упрямство взяло верх, и я заявил после долгой паузы:

— Прежде всего, отец, я не делаю ничего дурного. Мои знакомые — да, они действительно не в ладах с законами, хотя иной раз их поведение можно если не оправдать, то понять. Но я — я всего лишь сопровождаю их в горных походах. В самом деле, я вовсе не собираюсь становиться контрабандистом, вы и сами это знаете! Да и ходил я с ними всего лишь несколько раз. Считайте это военными учениями — побывать на чужой земле, как если бы сейчас шла война между Испанией и Францией! Тем более что недавно так оно и было.

При этих словах отец вспыхнул и даже чуть пристукнул по столу кулаком.

— Да поймите же, наконец, Исаак! — воскликнул он. — Для каждого де Порту нет ничего более опасного, чем появление на испанской территории! Если вы случайно попадетесь в руки испанцев... — тут он замолчал, а я с удивлением обнаружил на его лице, обычно бесстрашном, признаки сильнейшего волнения. — Обещайте мне, — сказал отец, несколько успокоившись. — Обещайте мне, что никогда, какой жизненный путь вы ни изберете, никогда нога ваша не ступит на землю Испании!

Его вспышка показалась мне столь странной и даже пугающей, что я немедленно дал такое обещание, хотя отец ничего мне толком не объяснил. Понимая это, он сказал – выделяя каждое слово:

– В Испании любого члена нашей семьи подстерегает смертельная опасность совершенно особого рода. Наберитесь терпения, когда-нибудь я объясню вам причину.

После этого он немного смягчился.

– Присядьте и послушайте, – он жестом указал мне на кресло напротив. – Поверьте, я долго не обращал внимания на ваши шалости. Но сейчас пора вам подумать о будущем, о самостоятельной жизни. Пора делать первые шаги по своей дороге. И дорога эта должна увести вас от нынешних ваших приятелей. Завтра вы начнете готовиться в дорогу – я хочу, чтобы вы отправились в По и там поступили учиться к мэтру Симону Баатцу. Мы знакомы много лет. Я напишу рекомендательное письмо. Думаю, вы научитесь у него достаточно многому и достаточно быстро. Через пару лет, я надеюсь, мы услышим о новом стряпчем – Исааке де Порту!

Стряпчий Исаак де Порту! Эти слова отец сопроводил легкой улыбкой, у меня же они не вызывали ничего, кроме отвращения.

– Мне кажется, достаточно и одного де Порту на этом поприще, – ответил я, имея в виду моего брата Гидеона де Порту. – Двое – это уже чересчур. Отец, я не хочу быть ни стряпчим, ни адвокатом, ни нотариусом! Меня нисколько не прельщает такой род занятий, ничего общего не хочу с ним иметь, я не могу корпеть над бумагами, я ничего не понимаю в крючкотворстве!

Моя строптивость неприятно удивила отца. Он нахмурился, но я уже закусил удила:

– Прошу вас, позвольте мне избрать другую дорогу! Отпустите меня в Париж, я мечтаю о военной карьере! Вы сами научили меня верховой езде, так что мне ничего не стоит продержаться в седле десятков лье. Мои икры крепче стали, а пальцами я легко выдергиваю из доски вбитый в нее гвоздь! В цель из мушкета и аркебуза я попадаю не хуже

опытного браконьера, а господин Паре недавно сказал, что я наконец стал ему достойным противником. Вы же знаете, мэтр Паре слов на ветер не бросает и заслужить у него похвалу нелегко!

Действительно, мэтр Паре, несмотря на возраст, блестяще владел шпагой и охотно давал уроки молодым уроженцам Ланна, но его постоянные насмешки ранили нас больше, чем острие его шпаги.

Отец ничего не ответил, я же продолжил:

— Мне ничего не нужно — в конце концов, сотни три ливров на первое время хватит! Неужели вы откажете сыну в такой малости? — я, разумеется, умолчал, что от делишек с Андигосом у меня собралась некоторая сумма.

— Вот как? — отец саркастически усмехнулся. — Насколько я могу представить, в эту сумму обойдутся вам лошадь, шпага и прочая экипировка, необходимая молодому гвардейцу. Вы ведь собираетесь поступить в гвардию, а не просто завербоваться солдатом в армейский полк? С учетом того, что от продажи овечьей шерсти мы получаем в год примерно столько же, да еще около сотни — от продажи конопли, что же: я действительно мог бы снабдить вас тремя сотнями ливров. В дальнейшем, как я понимаю, вы готовы обходиться жалованием военного. Очень хорошо. Сумма невелика. Но вы уверены в том, что вам больше ничего не нужно? Только деньги?

Я не сразу понял, о чем он говорит.

— Надеюсь, вы позволите мне взять Вулкана — я сам его объезжал, и он ко мне привязан, так же как и я к нему, — сказал я осторожно. — Кроме того, я хотел бы прихватить с собой один из старых мушкетов, хранящихся в правой башне, и небольшой запас пороха и пуль. Моя шпага совсем неплоха — вы сами ее выбирали, а по прибытии в Париж я куплю запасной клинок...

— Я имел в виду совсем другое. Вы не собираетесь брать с собой никаких бумаг? — перебил меня отец насмешливо. — Насколько я знаю, в королевскую гвардию принимают только дворян. Разве вам, Исаак де Порту, не нужны документы, подтверждающие дворянское происхождение? Документы,

согласно которым благородное звание вашей фамилии насчитывает не менее ста лет?

Я растерялся. Над такими вещами я вообще не ломал голову, поскольку был уверен, что на дорогу отец снабдит меня всеми необходимыми бумагами. Да и что такое бумаги? Пустяк, безделица!

Отец некоторое время смотрел на меня, чуть прищурившись. Взгляд его, поначалу ироничный, словно потускнел. Вздохнув, он поднялся со своего места и, опираясь на трость, прошел к шкафу. Открыв резную дверцу, он извлек на свет божий потемневший от времени деревянный ларец. Мне несколько раз доводилось видеть этот предмет, и я задавался вопросом, что именно хранится в нем. Сейчас, впрочем, меня это интересовало в малой степени.

Отец водрузил ларец на стол и откинул крышку. Он был битком набит пожелтевшими бумагами. Я вопросительно посмотрел на отца.

– Прочтите вот это, – отец бросил мне сложенный вдвое плотный лист, лежавший сверху.

Я осторожно развернул его. Это оказался некий документ, называвшийся «Письмо о натурализации». Говорилось в нем о представлении права на проживание в землях французской короны семье португальского купца Авраама де Порту. Подписано было королем Генрихом IV и заверено красной сургучной печатью.

Документ выпал у меня из рук. Купец? Мой отец – купец? Даже не придворный кулинар? Это не укладывалось в голове. Он был прекрасным наездником, отличным стрелком, блестяще фехтовал на шпагах и рапирах (так уверял господин Паре, а он в этом знал толк). Я скорее готов был представить себе Авраама де Порту во главе идущих в атаку войск, нежели в лавке со штукой сукна. Не веря собственным глазам, я еще раз перечел письмо. Теперь мне бросилось в глаза слово «португальский». *Португальский* купец? Я знал, что наша фамилия указывала на португальское происхождение, но мне никогда не приходило в голову, что мой отец родился не в Гаскони и вообще не во Франции.

И тут я вспомнил удивившее меня наречие, на котором беседовали мои родители, оставшись наедине. Видимо, в голове моей царил полная неразбериха, потому что спросил я именно об этом — как будто более важных вопросов сейчас не существовало.

Отец неожиданно засмеялся. Ответ его поверг меня в еще большее смущение:

— Нет, это не португальский язык. Это язык испанских и португальских евреев. Он называется «ладино» или «джу-десмо». Некогда на нем говорили мои и ваши предки.

Видимо, выражение лица моего стало очень глупым, потому что отец снова рассмеялся и сказал:

— Исаак, силой и сноровкой вы пошли в меня — в молодости я был таким же. Разве что не таскал на плечах несчастного теленка. Но вот с наблюдательностью и сообразительностью дело обстоит гораздо хуже. А эти качества, кстати, совсем не помешали бы вам, какое бы жизненное поприще вы себе ни избрали. Разве вы когда-нибудь видели на нашем обеденном столе свинину? Разве вы когда-нибудь видели, чтобы я по субботам работал? Неужели вы не обращали внимания на две свечи, которые всегда зажигала на заходе солнца в канун субботы ваша мать, а после ее кончины — я?

Голова у меня пошла кругом.

— Но как же часовня... Отец Амвросий...

— Амвросий? Наш священник? — отец покачал головой. — Он тоже из «португальских купцов». Другому я не доверил бы вашего крещения. Иной священник увидел бы то, что ему не следовало видеть.

Проследив за тем, куда он при этом указал рукой, я покраснел. Я всегда считал это естественным и маловажным телесным дефектом, которым обладал от самого рождения.

— Что вас так смущает, Исаак? — спросил он насмешливо, но уже без улыбки. — Разве Господу нашему Иисусу Христу не сделали обрезания на восьмой день от рождения — как всякому еврейскому младенцу? И разве сам Христос не говорил — «Не нарушить закон я пришел, но исполнить»? По-вашему,

какой закон он имел в виду? Не Моисеев ли закон, принятый иудеями?

До меня начал доходить смысл названия «португальский купец».

— Вы хотите сказать, что мы не... купцы?.. — пролепетал я. — Даже не купцы? Что это название... оно должно прикрыть собой другое... — У меня едва не сорвалось с языка слово «позорное».

— В пору моей молодости так называли всех беженцев из Испании, — сухо ответил отец. — Из Кастилии, Леона, Галисии, Порто — словом, из всех владений испанской короны. Не знаю, кто это придумал. Видимо, какие-то советники короля. В любом случае, такое определение позволяло ему принять нас под свое покровительство. Говоря «нас», я имею в виду не только нашу семью. Вообще испанских евреев, принявших крещение и вынужденных бежать во Францию от преследований святой инквизиции.

Его слова, сказанные, по обыкновению, негромким бесстрастным голосом, оглушили меня подобно близко прогремевшему грому. Отец между тем продолжил:

— Впрочем, даже в тех случаях, когда вы вдруг обращали внимание на какие-то обычаи, отличавшиеся от обычаев наших соседей, я объяснял вам, что такова семейная традиция. И вы принимали мои объяснения... — он усмехнулся — скорее снисходительно, чем насмешливо.

А я вспомнил, как еще в детстве поинтересовался, почему в один из дней мои родители ничего не едят и не пьют. И отец сказал, что, согласно семейной традиции, раз в году они предаются скорби по умершим родственникам. Я понял, что отец говорил именно о таких случаях.

Он вдруг поднялся из кресла. Я тотчас тоже встал. Отец был высок — почти шесть футов, — но я давно догнал его ростом, а шириной плеч, пожалуй, уже и превосходил.

— Пойдемте, — сказал он. — Я хочу показать вам кое-что.

Мы вышли из дома, пересекли двор и вошли в часовню. Отца Амвросия не было. Оглядевшись, отец прикрыл за собой дверь и, поманив меня рукой, направился за алтарь, в даль-



ний угол, завешенный тяжелой серой портьерой. При этом он перекрестился на распятие. Я поспешно последовал его примеру. Здесь он взял из бокового ящика свечу, после чего отвел в сторону серую ткань, и я увидел небольшую дверь, обитую железом и закрытую железным же засовом. Отодвинув засов, отец распахнул дверь. За ней оказалась уходящая вниз узкая винтовая лестница.

Он зажег свечу и ступил на верхнюю ступеньку.

Мы спустились по лестнице и оказались в небольшом помещении, находившемся, как я понял, прямо под часовней. Портьера не впускала сюда солнечные лучи, и в колеблющемся пламени свечи смутно угадывались некоторые детали обстановки. У стены находился небольшой помост с пюпитром, далее — прикрытый тканью шкаф. Ткань была расшита золотыми нитями, блестящими даже в слабом свете. Таким же тусклым золотом поблескивали корешки нескольких толстых книг, лежавших стопкой у шкафа.

Я смотрел во все глаза, боясь отпустить поручень перил. Воздух, казалось, был наполнен приторным запахом ладана, к которому явственно примешивались незнакомые мне благовония. Эти ароматы вызывали тревожное ощущение, куда больше, чем сама обстановка.

— Не бойтесь, Исаак, пройдите сюда, — сказал отец. Я подчинился, сделал шаг и снова остановился. Звук шагов оказался неожиданно громким. Посмотрев под ноги, я увидел, что пол здесь был засыпан ровным слоем песка.

— Песок на полу — старая традиция, — пояснил отец, почему-то понижая голос. — Иудейские богослужения в Испании были запрещены, а доносчиков хватало. Поэтому евреи устраивали тайные синагоги в подвалах своих домов. На пол насыпали песок — и в самой синагоге, и особенно в тайной галерее которая к ней вела. Если входил кто-то незванный, его шаги сразу были слышны, собравшиеся могли, загасив свечи, укрыться от посторонних глаз в специально для этого устроенных нишах. Здесь эта предосторожность не имеет никакого смысла, потому и запасного выхода из этого подземелья нет, но традиция сохраняется более двухсот лет. Я давно хотел

показать вам эту синагогу — семейный молитвенный дом де Порту.

Больше я не мог выносить позора. Меня душили злые слезы. Я бросился к лестнице. Отец меня не удерживал. И правильно делал — в таком состоянии я мог бросить ему невольную дерзость, а может быть — страшно подумать! — даже поднять на него руку

Выбравшись наверх, я бросился из усадьбы куда глаза глядят. Щеки мои горели, словно кто-то хорошенько отхлестал по ним, я испытывал чувство тяжелейшего оскорбления, нанесенного мне неизвестно кем, а шпага, колотившая по ногам, рождала сильнейшее желание пустить ее в дело. Я мечтал о том, чтобы кто-нибудь, идущий навстречу, отпустил по моему поводу шутку или бросил на меня косой взгляд. Увы! Дорога, по которой я шел, была пустыня.

Может показаться странным, что слово «евреи» не вызывало у меня воспоминаний о великих и древних царях, воинах, пророках — хотя я достаточно долго штудировал Писание под присмотром отца Амвросия. Но нет — Давид, Соломон, Исайя в моем представлении связаны были больше с нынешним христианским миром. Евреями же были ростовщики, торговцы и ремесленники, о которых рассказывали всякие мало привлекательные истории. Впрочем, и их-то, эти истории, я слушал вполуха.

Остановился я лишь на опушке леса, пробежав добрых два лье. Только здесь наконец-то я перевел дух и попытался привести в порядок собственные мысли. Мне это давалось с трудом. Я не хотел быть евреем, я не хотел этого позорного положения! И чем больше я думал над словами отца, тем сильнее становилось мое желание бежать. Бежать из этого дома, от этого прошлого. Я понимал, что между мною и службой в королевской гвардии отныне вставало темное происхождение. Но, в конце концов, я надеялся добиться желаемого своими достоинствами! Я прекрасно ездил верхом, стрелял из мушкета и пистолета, фехтовал, плавал и бегал — словом, хорошо владел теми пятью искусствами, которые составляли

основу подготовки мушкетера<sup>1</sup>. И значит, поступив на военную службу в обычный полк, я буду вполне способен показать себя настоящим солдатом — а там смогу перейти в гвардейскую роту. Конечно, я понимал, насколько этот путь окажется сложнее и, возможно, дольше. Но даже смерть на поле брани представлялась мне сейчас соблазнительнее любого будущего, так или иначе связанного с отцовским домом и этой ужасной подземной комнатой, пол которой покрыт ровным слоем речного песка.

---

<sup>1</sup> Читатель может заметить, что физическая подготовка гвардейских подразделений соответствует современному спортивному пятиборью. Это не совпадение — именно подготовка французских гвардейцев стала основой популярного вида спорта. *Здесь и далее — прим. автора.*